

ЖУРНАЛИСТ, ПОЭТ, КРАЕВЕД

30 ноября – день памяти Павла Петровича Сухачёва (1930–1993), почётного гражданина города Асино.

Александр Сухачёв

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

Каждый человек сам себя воспитать должен – ну хоть как я, например, – эту фразу в «Отцах и детях» Тургенев вложил в уста Базарова. А чем плохо – Делай, как я!

Вот такими простыми принципами руководствовался отец в моём воспитании. Тем более, с частыми сменами адресов и населённых пунктов, за десять лет обучения мне пришлось сменить пять школ, плюс постоянные командировки, особо-то на ниве воспитания детей и не разгуляешься. Но главное вложить постарался – честность и порядочность.

Павел Петрович Сухачёв родился в селе Ново-Кусково Асиновского района Томской области 26 марта 1930 года. А в 1937 году его отца и моего деда – Георгиевского кавалера II степени Сухачёва Петра Александровича по надуманному обвинению арестовали.

Последнее, что у Павлика осталось в памяти – телега, на которой сидит его отец с несколькими товарищами по несчастью, сзади и впереди телеги едут вооружённые конвоиры. На просьбы разрешить хоть бы проститься – вниманья ровно ноль. Они с Мишей Чернышовым добежали до околицы села, помахали ручонками вслед. Больше отца он не видел, а день ареста Петра Александровича – 22.08.1937 запомнил навсегда.

В октябре 1937 года бабушке выдали справку, что муж отбывает срок – десять лет без права переписки на севере Томской области, в Колпашево.

Печать, подпись на документе имелись, она и поверила. В начале лета 1938 года собрала передачу и отправилась на свиданку. На барже.

Местные чекисты ей наплели про полную невозможность осуществить её намерение ввиду тяжести преступных помыслов осуждённого, от которых он и не подумал отказаться. Так что, конечно, дабы не усугублять его положение, бабушке надлежит валить по-тихому отсюда домой и надеяться. А на кого? Товарищи глубокомысленно простёрли пальцы вверх.

Что надеяться больше не на кого, стало ясно зимой 1942 года. Семью почтой известили о смерти Сухачёва Петра Александровича в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) от крупозного воспаления лёгких.

На самом деле деда расстреляли 25.09.1937.

Нашему правосудию понадобилось двадцать лет, чтобы разгрести горы лжи в отношении Сухачёва Петра Александровича:

04.06.1957 военный трибунал Сибирского военного округа Сухачёва Петра Александровича полностью реабилитировал. Вернул доброе имя. Поздно? Да, поздно. Ну что ж, во все времена, и наше не исключение, чести и достоинству изрядно достаётся в драках с человеческими пороками.

В общем, с четвёртого класса Сухачёв Павлик рос самостоятельно. В деревне кривых и скользких дорожек поменьше, чем в городских трущобах, поэтому и шансов оказаться на них тоже заметно меньше, но при желании исковеркать судьбу – дело вполне плёвое.

Но блатной романтикой, с перспективой проехаться по тундре, по широкой дороге по направлению в Магадан или Воркуту, отец не увлёкся.

То ли время было такое тогда, то ли такой характер у отца случился, но он не сломался под увесистыми ударами судьбы.

А взвалил на худенькие плечи мужские заботы по дому, пахал, как папа Карло. Вот как он сам делился воспоминаниями о детстве:

Пришёл из школы я домой,
Запряг корову в сани.
И, взяв с собой пилу, топор,
Поехал за дровами.

Я часто думаю, ну вот откуда у него взялась эта тяга к творчеству?

Крестьянская семья, семья переселенцев из Воронежской губернии, так что за примерами добросовестного отношения к труду далеко ходить не надо. Но в стихосложении, согласитесь, топор и пила если и помощники, то совершенно слабые. А увлечение рисованием? Ведь он серьёзно мечтал поступить в художественное училище.

Но то ли клеймо сына врага народа перевесило дарование, то ли дарование и вправду не дотягивало до талантливости.

В общем, с живописью не сложилось. Посему, закончив семь классов в 1946 году, отец поступил учиться в Томский политехникум, овладевать специальностью техника-механика.

И вот ведь как бывает: на той же Соляной площади, только в Томском инженерно-строительном институте с 1973 года постигал азы профессии инженера-строителя уже и я.

После окончания учёбы отец работал по специальности в Красноярском крае. Затем служба в армии. Его призвали в октябре 1950 года.

После армии, в ноябре 1952-го, отец вернулся в колхоз. Работал автомехаником. Тогдашний заведующий Ново-Кусковским клубом Юрий Барков, зная о его склонности к стихосложению, нет-нет да и «мобилизовывал» его для написания сатирических частушек на местные темы для новогодних концертов.

Надо сказать, что эти частушки в исполнении участников художественной самодеятельности пользовались немалым успехом. И как правило сопровож-

ждались дружным хохотом зрителей. И дело здесь было не в каких-то их литературных достоинствах, а опять же – в содержании.

Ведь критиковались конкретные люди за их конкретные, не очень благовидные деяния, хорошо при том известные односельчанам. Звучит, например, такая частушка:

Серафим всё жил да жил.
Начал церемониться.
И теперь в который раз
Он с женой разводится.

Переполненный зал старого тесного клуба сотрясается от хохота, а самому «имениннику», сидевшему тут же, естественно, было не до смеха.

В Ново-Кусково отец встретил свою будущую жену – Марию Алексеевну Мизгиреву, мою маму.

У неё детство совсем не задалось, а испытаний выпало на долю – врагу не пожелаешь! До 1934 года Мизгиревы проживали в деревне Лодейка недалеко от города Великий Устюг, что в Вологодской области. Семья большая, чтобы прокормить пятерых детей, приходилось много работать. Мать умерла, и отец снова женился, потому как одному справляться с детьми и хозяйством было трудно.

Вскоре началась коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Мизгирева Алексея Осиповича раскулачили в 1934 году. Наверное, у местных активистов план по раскулачиванию горел, вот и попал в число кулаков многодетный отец. Маме в то время было всего шесть лет. Её папу сослали в Плесецк Архангельской области, где сейчас военный космодром.

А пятерых детей, от которых сразу же сбежала мачеха, отдали в детдом. Нравы среди воспитанников мало отличались от шкидовских, только своего Макаренко не оказалось. Потому принцип – кто не успел, тот опоздал реализовывался повсеместно, старшие обирали малолеток, такой вот естественный отбор. Ко всему привыкает человек? Мама помаленьку и попривыкла, и приспособилась, а с 14 лет в Кичменгско-Городецком районном мельничном управлении начала работать. Как бы дальше сложилась мамина судьба – трудно сказать. Ведь уже шла война. Но – нечасто, однако бывает, вдруг у судьбы кончается чёрная краска, становится нечем малевать чёрные полосы, образуется белая прогалина.

С фронта вернулся её старший брат – Иосиф Алексеевич Мизгирев, вернулся, получив тяжёлое ранение, в результате остался без руки. Подлечился, нашёл сестру, и они уехали в Томск, где мама поступила учиться в педучилище. По окончании её распределили работать в Ново-Кусковский детский дом. Теперь она уже рисовала белые полосы в жизни малышни, во всём заменяя тем родителей.

И вот ещё интересный факт – две родные мамыны сестры – Клавдия и Лидия – тоже всю жизнь проработали учителями. Не озлобились сами, в детстве нахлебавшись лиха, а наоборот, всё делали для того, чтобы их лихо больше никому не перепало.

Когда я смотрю сегодня фотографии, то просто поражаюсь, сколько же маленьких ребятишек сначала выводили палочки, потом буквы, потом складывали буквы в слова под диктовку первой в их жизни Учительницы, моей мамы.

И дед, и мама репрессированы на основании Постановления ЦИК и СНК СССР. В 1934 году их в административном порядке необоснованно выслали за пределы района.

Реабилитировали на основании ст. ст. 2 и 8 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

У обоих моих родителей начало жизни не сильно задалось. Но судьба подарила шанс на перемены, и они его использовали. В 1953 году состоялась их свадьба.

Что ж, а я продолжу про отца. В 1956 году «Причулымская правда», редактором которой был в то время Иван Лукич Семёнов, объявила литературный конкурс среди местных авторов на лучший рассказ, очерк, стихотворение. Победителям были обещаны первая, вторая и третья премии в размере соответственно 300, 200 и 150 рублей теми, старыми деньгами.

Отец решил поучаствовать. Быстренько сочинил три стихотворения в юмористическом духе, которые назывались «Тётка Дарья», «Шоферам», «Нахлебник».

Все они были опубликованы. А при подведении итогов конкурса Сухачёву Павлу Петровичу присудили первую премию.

После первой публикации его стихи довольно часто стали появляться на страницах «Причулымки». А вскоре и в областных газетах.

Тем временем Иван Лукич начал нацеливать отца и на чисто газетные материалы. И как-то незаметно, ненавязчиво сделал из него довольно активного селькора. На страницах «Причулымки» наряду со стихами стали появляться его зарисовки об односельчанах, деловые корреспонденции на разные темы.

Стал бы отец журналистом-профессионалом? Не знаю.

Думаю, во многом выбор отца предопределило знакомство с Вилем Владимировичем Липатовым, который в январе 1958 года приехал в город Асино и проработал заведующим отделом писем и культуры в районной газете «Причулымская правда» по май 1958 года. Посиделки в редакции, неспешные разговоры за чашкой чая и не только (в основном, и не только), вот так отец получал бесценные мастер-классы от будущего классика. Нрава, как и у него, непокладистого. Уловил некое родство душ.

Да и как, собственно, оказался будущий мэтр в Асино: его выгнал из областной газеты «Красное знамя» редактор Владимир Кузьмичёв – не за ум выгнал, не за таланты, а за неумеренное как раз веселье. Иными словами, за пьянку.

Липатов приехал в Асино. Работал в газете, пить и дебоширить стал заметно меньше. Прослыл мастером очерка.

К тому времени стали публиковаться в московских журналах его рассказы, вышла первая книжка.

Асиновская ссылка посему быстро закончилась, и Виль Владимирович вернулся на малую родину, в Читу.

А отец понял: не боги горшки обжигают, поэтому в 1959 году и принял приглашение стать штатным сотрудником газеты «Причулымская правда».

Так одним литсотрудником в газете стало больше, увлечение переросло в профессию. Через некоторое время в асиновской журналистике и дебютировал неравнодушный и увлекающийся человек.

Приведу выдержки из писем Липатова отцу:

Дорогой Павел! Знаю, что ты всё-таки стал газетчиком, и очень рад твоему решению....

Год назад я писал тебе огромное письмо. Это было тогда, когда в «Крокодиле» появилась заметка за твоей подписью. Я прочёл её и написал на адрес колхоза «Комсомолец», но ответа не получил....

Ты, вероятно, прав, когда говоришь, что трудно писать об Оби, сидя в Чите. Именно поэтому в апреле я приеду в Томскую область месяца на три. Командировка уже решена Союзом. Приеду в Асино. Сядем на полторку и махнём в «Комсомолец».

Вот будет-то здорово! По Томской области соскучился страшно... Хочется выбраться в тайгу и ходить по ней сутками. Одним словом, жду не дождусь встречи с Томском. Привет всем моим знакомым. Обнимаю. Виль.

Хотя вырваться из колхоза оказалось не совсем и просто.

Сначала отец попытался уволиться по-хорошему. Пришёл с заявлением к председателю А надо сказать, отношения у отца с ним были далеко не лучшие.

Согласитесь, мало кому нравятся критические выступления в свой адрес на твоём же отчётно-выборном собрании. Что называется – поискать охотников надо.

И вдруг этот критикан вознамерился уйти из колхоза. И не в какую-нибудь шарашкину контору, а в редакцию! Мыслимое ли дело!

В общем, председателя такой вариант никак не устроил.

Короче говоря, дорога в редакцию отцу оказалась перекрытой. Правда, несколько позже он всё же ушёл из колхоза. Причём вполне легальным путём.

Воспользовался тем, что после двухмесячной офицерской переподготовки место его оказалось занято. А требовать восстановления в должности он не стал. Хотя имел на это полное и законное право. На том с колхозом и расстался. Можно сказать, полюбовно. Но теперь в редакцию попасть не удалось, поскольку там не было уже вакансий. Пришлось поработать в автороте.

Но весной 1959 года Иван Лукич опять пригласил, как уже говорилось, отца на работу в редакцию на должность заведующего промышленным отделом. И, хотя отец в то время уже работал главным инженером автороты, уволился оттуда без всякого сожаления. Так он попал в газету, с которой судьба потом не раз его разводила и вновь сводила.

Член Союза журналистов СССР с апреля 1962 года, отец печатался во многих советских изданиях: в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Красное знамя», «Лесная промышленность», журналах «Агитатор», «Мастер леса», «Крокодил», всех и не перечислишь...

Биография Сухачёва Павла Петровича вместила довольно много событий, мест и профессий. Плавал мотористом по Чулыму, работал автомехаником, монтажником, слесарем, мастером и главным инженером ПМК. Трудился и на Севере, осваивал нефтяные месторождения.

Долгое время вынашивал идею написать исторический роман о событиях, происходивших в Ново-Кусково во времена Гражданской войны, и не только вынашивал, но и писал. Книгу не дописал, но работу проделал огромную.

У меня в 2006 году случился инсульт. Месяц в больнице, потом три на реабилитации, в общем, времени подумать о том, правильно ли живу, и что, собственно после меня останется, было в избытке.

Вот я и взялся разбирать отцовский архив, увлёкся, и с сыном Владимиром, помощь которого в освоении компьютера оказалась неоценимой, мы и закончили многолетний труд отца.

Расширили рамки произведения, проиллюстрировали, избавили от категоричных оценок персонажей, оценок, навеянных строгостью райкомовских нравов, привычно вешавших ярлыки и на наших, и на не наших.

Вдумчивый читатель может указать на не совсем правильное предложение: Как это, простите, нравы могут развешивать ярлыки? Не заблудился ли товарищ в грамматике? Ну а я буду настаивать, именно нравы, а мнение людей оставалось при людях, господствовали же нравы. И сегодня мало чего изменилось.

Книга «Справедливость бессмертия» в настоящее время размещена на сайте Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» в Томске. Более ранняя версия опубликована на сервере «Проза.ру».

В 2010 году в Асино вышел седьмой выпуск «Творческого Причулымья», в котором опубликован полный библиографический список работ Сухачёва Павла Петровича. Он называется «Времена не выбирают» и содержит ссылки на 222 публикации. В общем, жизнь прошла совершенно не зря.

Отец стоял у истоков создания в городе Асино отделения Исторического общества «Мемориал» и был его сопредседателем.

Решением Собрания Асиновской районной Думы № 107 от 08.12.1995 Павел Петрович Сухачёв удостоен звания Почётного гражданина города Асино (посмертно).

Основанием послужило ходатайство коллектива редакции газеты «Наше Причулымье» от 26 сентября 1995 года:

Коллектив редакции газеты «Наше Причулымье» ходатайствует перед депутатами Асиновской районной Думы о присвоении Павлу Петровичу Сухачёву посмертно звания «Почётный гражданин города Асино», учитывая его заслуги в историко-просветительской деятельности как автора серии исторических очерков, посвящённых описанию партизанского движения в годы Гражданской войны на земле Причулымья, строительству Асиновской железной дороги, а также как одного из инициаторов создания Асиновского отделения общества «Мемориал» и его активного участника...

Подписал ходатайство редактор газеты «Наше Причулымье» Валерий Семёнович Иноземцев.

Город Рубцовск, Алтайский край.

Павел Петрович ушёл из жизни в возрасте 63 лет 30 ноября 1993 года – на заре перестройки, не успев надыхнуться «ветром перемен», принёсшим долгожданную свободу слова российским СМИ в мятежные девяностые. Он оставил после себя благодарную память земляков, а также творческое наследие, в том числе очерки об истории Гражданской войны в Причудылье. Отрывки из этих литературно-краеведческих работ довольно часто печатались в газете.

А вот рассказы и стихи Сухачёва известны гораздо меньше. Сегодня мы отчасти восполняем этот пробел.

Павел Сухачёв

РОКОВАЯ ОШИБКА

«Многоуважаемая супруга, Олимпиада Степановна! Поздравляю с днём рождения!..» – уверенно вывел на поздравительной открытке Дмитрий Иванович и задумался. Он решительно не знал, что писать дальше. Да и начало ему не совсем нравилось. Суховато получилось. Казённо даже. Подушевнее надо бы. Потеплее. Но более подходящих случаю выражений в голову не приходило. Вдохновение отсутствовало. А когда-то ведь оно его посещало. Даже стихами грешил. Правда, не бог весть какими, но сокурсницам они нравились, особенно тем, которым посвящались. Даже в институтской многотиражке печатался. Воспарял к Парнасу прямо. Теперь уже и возраст не тот, не студент, в общем.

«Может, написать, что, мол, исскучался я весь по всем вам в этом доме отдыха?» – лениво соображал Дмитрий Иванович. Но тут же забраковал эту пресную идею. Ещё возьмёт и нагрянет к нему в гости его дражайшая Олимпиада Степановна. Бывшая Липочка. Поднять ему настроение. А такой вариант в данный момент был бы никак не желателен. По одной весьма деликатной причине.

Дмитрий Иванович вздохнул и, так и не придумав ничего более оригинального, подписал: «Ещё обнимаю наших дорогих дочек Юлечку с Кирочкой, а заодно и сына Алика и желаю вам всем крепкого здоровья, счастья и отличного праздничного настроения!».

Размашисто расписался, поставил дату и подпись. Упаковал в конверт.

Затем Дмитрий Иванович взял другую открытку с пожеланиями хорошего отдыха в санатории и принялся сочинять ещё одно послание. И, надо сказать, на этот раз его шариковая ручка забегала по бумаге куда бойчее, нежели при написании предыдущего отправления. Про содержание и говорить не приходится – оно так и дышало лирикой.

Аккуратно прикрыв своё творение от посторонних глаз, Дмитрий Иванович строчил: «Дорогая Люсенька! Спешу засвидетельствовать самую искреннюю к тебе симпатию!..».

Далее шли малопонятные для непосвящённых полунамёки и игривые обороты про её – Люсеньки – неземное очарование.

Дмитрий Иванович воспарил. Ничего не попишешь, при всех его несомненных достоинствах был он не лишён и кое-каких слабостей. В частности, по амурной линии. Находясь при исполнении служебных и общественных обязанностей, он этим своим слабостям воли не давал. Но в свободное от работы и семьи периоды грешным делом приотпускал тормоза.

Оказавшись в доме отдыха, Дмитрий Иванович с первых дней пребывания взял на прицел некую симпатичную блондинку Люсеньку. И принялся настойчиво её обихаживать, не считаясь с расходами. Это была особа весьма своенравная и несколько легкомысленная. Но с очень привлекательными внешними данными, косметика и цветастое платьице дополняли образ. Ну где тут устоять нашему герою.

В конце своего игривого послания Дмитрий Иванович выразил горячую надежду на полную взаимность чувств.

И подписался коротко и ясно: «Твой Дима». Так он в далёкой молодости подписывался. На подобных открытках. Адресованных той же Липочке, ставшей потом его благоверной супругой Олимпиадой Степановной.

Покончив с эпистолярными трудами, аккуратный Дмитрий Иванович всё внимательно перечитал на предмет выявления орфографических ошибок или стилистических заскоков. Не обнаружив таковых, запечатал обе открытки в конверты. Затем на одном написал адрес и опустил его в почтовый ящик, а второй без всяких надписей положил в карман. Всё было спланировано, как надо. Выемку корреспонденции произвели ещё при нём, так что жене его открытку доставят в срок, а Люсеньке он преподнесёт своё эпистолярное произведение лично сам. Так ему было во всех отношениях удобнее. И приятнее.

Теперь оставалось посетить торговые точки, дабы запастись более существенными знаками внимания, и благосклонность Люсеньки ему обеспечена.

В общем-то, Дмитрий Иванович верно угадал путь к её строптивому сердцу. Когда он заявился к ней с пузатым портфелем, набитым до отказа всевозможными гостинцами, в числе коих была и нарядная бутылка армянского коньяка, добытая по великому благу, она даже чмокнула его в щёку.

– Вот это я понимаю! Вот это оттопырится! – ликовала она, суетясь вокруг стола, где гармонично разместились щедрые дары гостя.

Но гвоздь программы ждал даму впереди.

– Прошу принять... – Дмитрий Иванович с галантным поклоном протянул зардевшейся Люсеньке целлофановый пакетик, перевязанный розовой ленточкой. Сверху лежал конверт с открыткой.

Люсенька очень обрадовалась подарку, но приняла его с церемонным достоинством. То есть в первую очередь принялась вскрывать не пакет с подарком, а конверт с письмом, демонстрируя своё несомненное бескорыстие и воспитанность.

Когда же она начала читать эту открытку, то переменялась в лице. Её брови взлетели вверх от изумления. Затем она прыснула в кулачок, потом её будто порвало:

– О-хо-хо!.. А-ха-ха!.. – раскатилась она, уже не пытаясь сдерживаться. – Ну умора!.. Ну кино!.. Вот отчебучил!.. Живот надорвёшь!

Люсенька хохотала до слёз и никак не могла остановиться.

Дмитрий Иванович смутился, его шокировала реакция обожаемой дамы на его эссе.

– Люся, что случилось? В чём дело?

– Он ещё спрашивает! Ну на, посмотри, что ты мне преподнёс!.. – всё ещё всхлипывая от смеха, протянула ему открытку женщина.

Дмитрий Иванович взял её, взглянул на написанное и обомлел. Кровь бросилась в лицо, на лбу показалась испарина, руки затряслись. На открытке прыгало: «Многоуважаемая супруга...» – и так далее. Надо же так опрафаниться! Так безбожно напутать!

Выходит, открыточка, адресованная Люське, теперь отправится прямо в руки самой Олимпиаде Степановне. А если принять во внимание крутой нрав супруги, не трудно представить масштабы скандала, что за сим последует. Да если бы только скандал...

Имея на руках столь наглядное свидетельство грехопадения супруга, Олимпиада Степановна, чего доброго, ринется искать на него управу во всех известных ей инстанциях. И, можно не сомневаться, найдёт поддержку и понимание. Тогда кранты его повышению, а с понижением можно поздравлять, к бабке не ходи.

Дмитрия Ивановича обуяла грусть, но он же был руководителем, потому его мозг сначала оценил форс-мажорные обстоятельства, потом выдал решение – надо срочно бежать на почту, авось корреспонденция ещё там.

Дмитрий Иванович махнул Люсеньке рукой и направился к выходу. Ему стало не до амуров. Надолго ли? Это зависит теперь от почты, только её нерасторопность может помочь нашему путанику исправить ошибку. Не сделать её фатальной.

Мы же поболеем за него.

Люся не долго оставалась в грустном одиночестве. Вскоре у неё сидел уже другой гость. Он восседал за столом рядом с хозяйкой, воздавал должное коньяку и закускам своего предшественника и от души хохотал над его конфузией, о которой со здоровым юмором поведала Люсенька.

СТИХОТВОРЕНИЯ

НЕ ВЕЗЛО

Мне в жизни как-то не везло.
Что означает невезенье?
Шутя я выбрал ремесло,
Своё не зная назначенье.

Почти всегда я шёл один
Своей извилистой дорогой,
Своих поступков господин,
Увы, к себе судья не слишком строгий.

Я шёл по терниям не раз,
Когда другие шли тропюю,
Пока заезженный Пегас
В пути не встретился со мною.

Себя взнуздать он разрешил
И мелким шагом понемногу
Меня, хромая, потащил
Он на широкую дорогу.

Не дал беспечно разменять
«Души прекрасные порывы»
На незавидный идеал –
Пустой, туманный, некрасивый.

МОЛОДОСТЬ

Свежий ветер дальних расстояний,
Разных дряг шипучее грязцо,
Радость встреч и горечь расставаний
Бороздят морщинами лицо.

Но, закалку добрую имея,
Трудовыми буднями дыша,
Как и прежде, рвётся, не старея,
Ко всему прекрасному душа.

И когда появятся седины,
Человек не сможет постареть,
Если он нелёгкие вершины
Хочет непременно одолеть.

Если он у близкого порога
Не присел безвольно отдохнуть,
А, себя подстёгивая строго,
Для других прокладывает путь.

Если сердце бьётся учащённо,
Не часами тикая в груди,
Если жизнь идёт не монотонно,
Значит, вечно юность впереди!

И пускай накладывает время
Седину и лучики морщин,
Мы смеёмся молодо над теми,
Кто боится скалистых вершин!

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Горько плачет осень, умирая,
Растеряв былую красоту,
И ложится бледность снеговая
На её пустую наготу.

Зачернён березник сиротливо,
Глухо шепчет тополь над рекой.
Дождь стучит в окошко торопливо
И на землю падает слезой.

В голых сучьях ветер завывает,
Замер крик печальных журавлей.
Потеплей скворешню выбирает
Экспедитор птичий – воробей.

РУЧЕЙ

Склонилась плакучая ива
И смотрится в быстрый ручей,
Шумит он под нею игриво
Меж крупных и мелких камней.

В нём летнее солнце смеётся
И месяц блестит серебром,
Он звонкою песнею льётся,
Свой путь пробивая с трудом.

Он в реку несёт свои воды
И тем уже искренне рад,
Что там катера, теплоходы
Винтами над ним зашумят.

Что силу свою молодую
Он с общею силой сольёт,
И баржу хотя небольшую
Своею струёй понесёт.

Он весел в любую погоду,
А ива уныло мрачна,
На быстро текущие воды
Завидует грустно она.

Покорно склоняется ива
К ручью мокроглазой листвою.

Напор и движение красивы,
А затхлостью пахнет покой.

ПОЕЗД ИДЁТ НА ВОСТОК

заметки с природы

Любая дорога волнует слегка,
Ведёт в неизвестные дали.
Она впереди как стальная строка,
Которой ещё не читали.

Навстречу – вокзалы больших городов,
Просторы полей золотые,
Дыханье заводов и гул тракторов –
Всё то, что зовётся Россия.

У каждого в жизни дорога своя.
В вагоне их сходится много.
И всех за собою ведёт колея –
Два рельса железной дороги.

Из отпуска едут на службу солдат
И штурман торгового флота,
Компания шумных парней и девчат
С учёбы спешит на работу.

Кочует куда-то орава цыган,
Флиртует с соседкою парень усатый.
Он едет в Приморье, она – в Магадан,
А может, и дальше куда-то.

Сидит отрешённо заслуженный дед,
В наградах вся грудь ветерана.
Шокирует деда нетрезвый сосед:
Сосёт из горла без стакана.

Какие-то дядьки кайфуют втроём,
Под чай самогон маскируя.
Бабуся горюет о чём-то своём,
Опёршись на руку сухую.

Там дуются в карты, похоже, бичи
Под громкие мат-перематы.
И как проводница на них ни кричит,
А всё озоруют ребята.

Две тётки в Даурию в гости спешат –
Там куча родни и знакомых.
Толкуют о жизни, проказах внучат,
Вовсю критикуют зятьёв непутёвых.

А вон алиментщик на полке притих,
В годах уже, с плешью немалой.
Он бросил всех жён – и своих, и чужих,
И скрыться решил за Байкалом.

Соседи за стенкой с утра завели
Дискуссию о плюрализме,
О судьбах России, сибирской земле,
О ценах, снабжении, социализме.

Как в капле воды, здесь –
Верховный Совет,
С одною лишь только «палатой».
Ни в чём никакого согласия нет,
Зря глотки дерут «депутаты».

Нас время, как поезд, уносит вперёд –
В безбрежные дальние дали.
И пусть нас хоть что-то хорошее ждёт
На каждом попутном вокзале.

ЧУЛЫМ

Он течёт по пути нетопкому,
Моет заново берега.
Наступает ему на горло
Друг и недруг его – тайга.

Изгибается он пружинисто,
Грудью ломится напролом.
Оттого он такой извилистый,
Оттого столько злости в нём!